

ИНВАЛИДЫ

Иван испытывал перед ним какой-то парализующий стыд. И было ему от этого некомфортно, плохо и даже больно. Он злился за такую слабость на себя и на него. Какое-то время вовсе въезжал прямо на территорию храма и ставил машину там, где ставили служки. Лишь бы не проходить мимо него. Но потом он понял, что это просто малодушие, и стал парковаться как все.

Обычная храмовая парковка располагалась сразу за дорогой. Вот здесь-то около дороги и просил милостыню инвалид.

Он появился в середине октября. Осенью сидел на вазоне с умершими

Сергей
МУРАШЕВ

цветами, а зимой прямо на снегу, ничего под себя не подкладывая для тепла. Последнее время его, видимо, попросили перейти от ворот забора подальше, и он сидел на другой стороне дороги на бруствере рядом с парковкой.

В плотном чёрном то ли пальто, то ли бушлате, всегда расстёгнутом, таком же чёрном свитере и клетчатом вылинявшем шарфе. В чёрных штанах. На голове шапка обманка с не разворачивающимися ушами. Когда-то дорогая, из норки или выдры. Лицо багровое, а волосы чёрные без седины, и усы и борода чёрные. Хотя он уже не молодой, лет к пятидесяти. Одной ноги у него не было выше колена. В снегу сидел, как в кресле, развалился. Рядом лежали костыли. Под милостыню инвалид ставил прямо перед обрубком ноги маленькую жестяную коробочку. Крышка коробочки открывалась на навесочках. И на внутренней стороне этой крышки приклеены маленькие иконы и какая-то молитва. Иконки украшены по краям фольгой.

Утром его обычно не было, а вот после службы, когда люди шли из храма, он всегда сидел на своём месте. Не пропустил ни одной субботы и воскресенья, ни одного праздника. И даже на грязном снегу бруствера в своей чёрной одежде выглядел особенно чётко. «Нарисовался — не сотрёшь!» — услышал однажды Иван, словно его мысли подслушали.

Половина прихожан ничего не давали ему, половина кидали свои монетки с радостью.

Иван сначала проходил мимо, просто не было наличных денег. И каждый раз чувствовал себя, словно его палками били. Шёл и старался расправить «побитую» спину, руки и ноги, но не мог. Иван думал, что будет лучше, если давать милостыню, поэтому стал расплываться в магазинах наличными и копить мелочь.

На дворе у соседей петух прокричал хриплым, словно прокурренным, голосом. Пора Андреюке вставать. Допоздна он играл в компьютер, даже палец от мышки онемел. Глаза будто затянuty плёнкой, не помогла и холодная из уличного рукомойника. Вяло почесал жиденькую, как у молодого священника, бородачку. С утра пораньше надо ехать за иван-чаем: к обеду приёмщица Маруся будет ждать с травой.

Андрейка собрал нехитрый перекус в дорогу: яйцо, пару огурчиков, хлеб. Сегодня ехать за иван-чаем придётся подальше, потому что у дороги траву уже давно подчистую оборвала Зинка-алкоголичка — собирает на опохмелку. Седло старого Андрейкиного велосипеда скрипит о прошлом.

Со своей матерью Ангелиной он приехал в деревню издалека, из Североморска — города, даже от названия которого, казалось, веет холодом, а на зубах похрустывают колбочие льдинки. Там всю жизнь она работала в ателье швей. В 90-х годах мода шить своё ушла, люди стали покупать готовые китайские и турецкие тряпки. Ателье терпело убытки, приходилось занимать деньги на хлеб.

Взяла как-то раз Ангелина до зарплата микрокредит в шарашкиной конторе, а отдать вовремя не смогла. Долг тикал, как секундные стрелки. Коллекторы нагрянули раз, другой... В общем, с квартирой пришлось расстаться. Хорошо, хоть жива осталась.

Бедная женщина вынуждена была вернуться с сыном в родную деревню. Отец с матерью к тому времени уже умерли, дом стоял пустой, но жить в нём было можно.

Весной Ангелину согнуло: сильный кашель, высокая температура. Тогда коронавируса ещё только заявлял о себе. Долго не обращалась к врачу, а когда приехала всё же в больницу, было уже поздно... Ночью оторвался тромб — почти мгновенная смерть.

Так Андрейка остался сиротой.

Он с малолетства был замкнутым, никогда не улыбался, словно не хва-

В коробочку почему-то никто не клал бумажных денег — одни монеты: рублёвки, двушки, пятирублёвки, даже десяток не было, одно «серебро». Время от времени инвалид складывал их аккуратными стопками соответственно номиналу.

Коробочка была маленькая и совсем не глубокая. Поэтому, чтобы попасть в неё и не разбить стопки, приходилось наклоняться и мягко класть свою милостыню. Инвалид искренне радовался каждому человеку, повернувшему к нему. Так радуются совсем маленьким детям, которые кричат: «Э! Ээ! Ээ!», взмахивают руками и даже подпрыгивают на месте.

— Здоровья крепкого! С праздником! — говорил он, смотря прямо на клавшего милостыню, и крестился. Одутловатое круглое лицо его светилось в этот момент.

Вскоре Иван узнал, почему клали только монетки. Как-то у него совсем не было мелочи, и он решил подарить сотню. Но когда привычно нагнулся над коробочкой, то положить её туда между стопками монет как-то не вышло, да и некуда. Тогда он протянул инвалиду. Тот взял, быстро развернул четвертое сложенную бумажку и стал размахивать ей, весь потянувшись в сторону Ивана:

— Воозьми! Воозьми! Не надо! Воозьми! — лицо его при этом выражало такое страдание, что любой бы опешил.

За несколько дней до охоты

Рассказы

Сторублёвка, зажатая посередке двумя жёлтыми пальцами, трепеталась на ветру и казалась бабочкой, которая вот-вот улетит.

Иван взял её словно попрошайка он. В этот раз не только скovalo тело, но и до боли зажало мышцы плеч. Ноющая боль отдавала в сердце. Отпустило только к вечеру, когда он догадался принять ванну.

С этого дня мелочь в кармане Ивана звенела в кармане брюк, в кармане пиджака, в кошельке, лежала в целлофановом пакетике в бардачке машины. Жена, увидев пакетик, стала в шутку звать мужа «мелочным». Иван делал вид, что его это не трогает, а сам злился.

— ...Один нищий только серебром берёт, — наконец объяснил он.

Несколько раз инвалид даже снился ему.

Удивляло то, что инвалид столько времени может сидеть на снегу.

Однажды после Рождества Иван опоздал из-за пробок к началу литургии. Выскочил из машины, пикнул на ходу сигнализацией и, придерживая шапку рукой, неловко побежал в сторону храма. Но тут же остановился: на снегу, на своём месте, сидел чёрный человек и улыбался ему.

Иван положил монету в ещё пустую коробочку.

— Спаси Господи! С праздником! Здоровья крепкого!

На секунду ему даже показалось, что служба уже закончилась, и он возвращается из храма. От этого ощущения удалось отделаться только у ворот забора, когда из динамика на колонне раздался громовой возглас дьякона.

Иван оглянулся, чтобы проверить: не померещилось ли ему чёрный человек. Нет, тот сидел на прежнем месте и словно для того, чтоб показать, что он живой, неловко переложил костыль.

Уже позже, когда Иван возвращался из храма и второй раз кинул

монету в коробочку, его поразила мысль, что всё это время этот человек просидел на холоде на снегу. Он впервые взглянул инвалиду прямо в глаза. Тот чего-то испугался и повторил:

— С праздником! Здоровья крепкого!

В следующее воскресенье Иван специально припозднился на литургию. Попрошайка чернел на своём обычном месте. Иван помедлил немного, чего-то боясь, и прошёл мимо инвалида только вслед за маленькой торопливой женщиной. Почему-то склонив голову и даже чуть согрбившись. Сам себе показавшись при этом собакой на поводке. Женщина ничего не положила, и он тоже.

Эту свою робость перед чёрным человеком он прижёл в который уже раз сигаретой. Нет, сам он не курил. Но знал тайну, что чёрный человек курит. Как-то раз Иван долго наблюдал за попрошайкой из машины. Служба уже давно закончилась, и весь народ прошёл, даже задержавшиеся. И тут чёрный человек закурил. Он достал сигарету неизвестно откуда, словно из воздуха, как фокусник. Правда, насладиться дыком ему не удалось. В воротах забора появилась полная, а может, беременная женщина в короткой куртке и юбке по колено. На ногах у неё были ботинки и колготки телесного цвета, а на голове летняя косынка, поэто-

му показалось, что уже вовсю весна или даже лето. Женщина чему-то улыбалась всем лицом.

Попрошайка тут же безжалостно воткнул свою сигарету в снег, и весь обратился к женщине, даже чуть подпрыгнул на месте. Но та его не заметила: всё так же улыбаясь, прошла мимо.

Иван не стал смотреть, что будет дальше, и сразу поехал. Случай этот примирил его с инвалидом. И лечил каждый раз стыд и неловкость перед чёрным человеком.

Больше Иван старался не опаздывать в храм. Приходил ещё до чтения часов. И, конечно, никакого чёрного человека не сидело в снегу. Но несмотря на это, Иван, подыхав, каждый раз взглядывал на место инвалида и убеждался, что того пока нет. Иван старался избавиться от этой, казущейся ему постыдной, привычки, но не мог. Против его воли глаза всякий раз устремлялись к ямке в бруствере дороги.

Однажды он всё-таки опоздал. Ещё паркясь и с трудом втиснув свою машину на свободное место, Иван удивился, что уже приехало так много народу. Инвалид сидел на своём обычном месте. После недавних оттепелей ноздреватый снег бруствера был весь усыпан вытаявшим песком; от заледенелых лужик на дороге отражалось и слепило солнце. Поэтому инвалид в этот раз не вырисовывался так чётко и выпукло.

Иван приостановился. Он приехал с холодной ещё дачи на маленькой, неудобной машине жены. Дать ему было нечего: в кармане лежала тысяча, которую надеялся разменять в храме. Из динамиков доносились молитвы перед чтением Евангелия. Он вспомнил, что службу перенесли на час раньше, и поспешил в храм. Благо, инвалид не обратил на него никакого внимания, он слушал литургию.

Из-за праздничных торжеств, связанных с юбилеем восстановления храма, вместе с двумя постоянными священниками служил ещё один. Пройдя притвор и скоса глаза в угол, Иван увидел, что исповедь всё ещё идёт. Одно это чудо заставило его забыть обо всём на свете и выдохнуть горечь опоздания. Он успел исповедоваться и причаститься. Не стал оставаться на братское чаепитие в честь праздника. Купив свечи, разменяв тысячу. Тут же поставил их и с лёгким сердцем вышел на улицу.

На залитом солнцем церковном дворе везде сияли узкие дорожки ручейков, огливших под коркой хрупкого льда песок, подсыпанный в оттепель. Иван шагал ходко, от хруста ледка хотелось идти ещё быстрее и даже как-то подпрыгивать, но он сдерживал себя. В кармане бряк то сжимал пальцами, то отпускал несколько монеток.

Вдруг за узорной решёткой кованых ворот забора Иван увидел полицейскую машину, стоявшую прямо на дороге. Она закрывала то место, где обычно сидел инвалид. Сначала Ивану показалось, что он оглох: мигали огоньки на крыше машины, а звука сирены не слышно. Но потом он догадался, что мигалка включена, а сирена нет.

Иван ускорил шаг, чтобы поскорее взглянуть за машину: «Прогнали или нет? приехали разбираться?».

Инвалида не было. Костыли лежали на прежнем месте, один прямо, а другой на нём чуть наискосок, словно попытался сделать первый шаг. Коробочка тоже стояла на прежнем месте. Монеты в ней сложились аккуратными стопками с одного края. И тут Иван увидел чуть дальше по дороге большой кожаный мешок около бруствера. Из-под мешка торчала нога, единственная нога в поношенном сапоге-дутьке. До этого Иван никогда не обращал внимания, что у инвалида на ноге, почему-то отводил взгляд. Он с силой сжал монеты в кармане. Посмотрел на коробочку: деньги лежали ровными стопками, значит, только что он их уложил, и никто не успел кинуть новой монетки.

Иван повернулся к двум полицейским, что-то записывающим:

— Кто его?! Кто его?! Он сам?! Он сам!

— Сам...

Иван вернулся в храм. Чаепитие только началось. Все весело и оживлённо разговаривали. И только по глазам священника, не глядя благословлявшего людей, подошедших к нему, Иван понял, что тот всё знает.

ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ДО ОХОТЫ

Вдалеке в лесу что-то еле слышно выло или ныло.

— Бежим! — сказал старший, несколько секунд внимательно слушавший этот звук, и сорвался с места.

Молодой постоял немного, раздумывая, и побежал за старшим, уже пропавшим за деревьями.

Удивительно, но старший бежал сноровитее и словно быстрее, легко перепрыгивая через пни и поваленные деревья. Может, потому что был в кирзовых сапогах. А у молодого

го разогнуты бродни, сковывающие движения.

Эту ночь молодой так и не спал, всё шевелил в костре палочкой, вздымая искры, подкладывая дрова. А выпил вчера больше, маленькую заканчивал один. Штаны ему великоваты, подвязаны верёвкой и на задку с правой стороны большая заплата. Коричневая ветровка с подкладкой короткая, если поднять руки, то сразу оголяются и спина и живот. За плечами у молодого болтаются ружьё и рюкзаки, в рюкзаке что-то брякает. У старшего ничего не брякает. На лысеющей голове тонкая шерстяная шапочка. На плечах светло-серый распахнутый плащ, полы которого развеваются на ветру. Рюкзачок у него маленький, подбортный, словно прилип к спине, а ружьё он и вовсе держит в руках, прижав ремень к щевью, чтоб не болтался.

Они бежали по сосновому бору, залитому солнцем. Под ногами трещали маленькие сухие ветки, хрустел высохший белый мох.

Иногда из-под ног старшего вздымались облачка пылицы, видимо, он наступал на какие-то грибы или растения. Молодой чему-то всё время улыбался, он вспоминал, как стреляли вчера по банкам и потратили почти все патроны. А на охоту так и не пошли, тем более что она открывается только через неделю.

Нюющий звук мотора стал слышнее.

— Он! — обернулся на ходу старший. Лицо его было красным и потным.

Вскоре показался и сам автобус. Тёмно-коричневый пазик замелькал между деревьями. Грунтовая дорога здесь делала большой поворот. И хотя автобус показался слева, старший повернул вправо, чтоб успеть наперерез. Выбежав на бровку, он упал; уже с колен успел махнуть ружьём и крикнуть:

— Стой!

Автобус резко затормозил. Пассажиры дёрнулись вперёд. Хвост поднятой пыли понесло в лес.

Молодой, всё ещё улыбаясь, прибавил ходу и к двери автобуса побежал первый. Поднявшись на ступеньки, вдруг замер. На него был направлен пистолет участкового. Тот стоял, широко расставив ноги. Пиджак снят и повешен на спинку сидения. Голубая форменная рубашка под мышками тёмная от пота. Фуражка в пыли. Это был не местный участковый.

Молодой растеряно оглядел пассажиров. Прямо перед ним сидели две женщины. У одной на руках ребёнок. Он смотрел, удивлённо приоткрыв рот, но в кариш глазах его зарождался страх, какой-то глубинный, всё охватывающий, как у загнанного зверя. Водитель обернулся со своего сидения, высунувшись из-за загородки. Он словно застыл в этой позе. На его лысине блестели капельки пота. Рядом с водителем, на перегордке, большой портрет какой-то певички с длинными курчавыми волосами. Почти прямо перед лицом она держит микрофон, а рот широко открыла.

Пыхтя, в автобус поднялся старший. Схватившись руками за полочки дверей, сложенных гармошкой, и встав на первую ступеньку,

он хотел что-то сказать, но замер на полуслове:

— Ао...

С минуту все молчали. Мальчик уткнулся матери в грудь и еле слышно плакал. Теперь мать смотрела с тем же страхом, который до этого копился в глазах мальша. Она до мелочей была похожа на сына внешне.

Гудел двигатель автобуса. Чувствовалась вибрация механизмов, работающих вхолостую. С бора доносило запах смолы и слышались тревожные вскрики сойки, где-то далеко-далеко стучал дятел. Мимо окон автобуса пролетела, порхая, бабочка. И почему-то эта глупая всем известная бабочка сильно взволновала молодого. Он, глядя на пистолет, хотел поднять руки вверх, но старший вдруг опомнился:

— ...Нас двое, — тихо сказал он, наставляя на участкового ружьё, ты в одного пальнешь, а второй в тебя.

Тот не шелохнулся. Старший подтолкнул молодого в салон.

— Поехали, — сказал водителю.

Молодой тоже взял ружьё на изоготовку.

Участковый глянул на пассажиров и едва заметно кивнул водителю, но руку с пистолетом не отпустил. Казалось, что рука у него занемела и даже существует отдельно от него: отойди он в сторону, рука с пистолетом так и останется на прежнем месте.

Автобус затрясся на ухабах, запыл пылью. Этой сухой неприятной пылью слегка запахло в салоне. На ухабах ствол пистолета подпрыгивал, подёргивались ружья в руках мужиков.

Водитель громко просигналил, и у молодого так дёрнулось сердце, что ему показалось — он его проглотил, а потом сердце медленно обратно поползло из желудка.

Пассажиры в салоне как будто ожили, дорожная пыль, лежащая на всём, поднялась и зашевелилась. Никто не знал, что водитель только что чуть не сбил учителя математики, возвращавшегося с рыбалки. Тот вышел прямо на дорогу и голосовал. Автобус промчался так близко от учителя и так быстро, что тот едва успел схватиться за кепку, чтоб её не сдуло.

После сигнала участковый осторожно опустил пистолет и спрятал в кобурку. Тогда старший повесил своё ружьё на одно плечо стволом вниз. Но молодой продолжил держать ружьё в руках. Он, правда, не направлял его на участкового, так и не смог направить на человека. Стоял, прижавшись к одной из стоек, обхватив её согнутой в локте рукой. Его мutilо и хотелось спать. Очнулся он от слов старшего:

— Друг, останови в начале деревни.

Уже выехали из леса. Вокруг поля с небольшими перелесками. Автобус, оставив позади несколько первых домов, мягко остановился. Старший сказал: «Спасибо!» и вышел демонстративно-непринуждённо. Молодой же вылез задом, как стоял. Захлопнулись гармошки дверей, автобус поехал.

Оказалось, что водитель остановился удачно, прямо напротив тропинки к дому. Старший уже поднимался по ней, как-то тяжело согная.

Дом был ярко освещён солнцем, так что казалось, можно различить все щёлки серых брёвен. Только внизу дома, с угла, тень от небольшой банки. Молодой вдруг почувствовал такую сильную любовь к своему старшему другу и к этому дому, в котором гостил третий день, что даже сам удивился. Попытался догнать его, но это получилось плохо, ноги были словно ватные...

Иван-чай цветет один раз

Артём
ПОПОВ

Рассказ

— Женщина, успокойтесь! Зря вы так. Аутист — это не даун... Намучаетесь вы с ним, — вздохнул старый врач.

Ангелина боялась, что скажут родные, друзья, соседи. Да и не был Андрейка в чистом виде аутистом. Но так или иначе, а от инвалидности они отказались.

Чудом, а точнее — из жалости учителей, Андрейка еле-еле окончил девять классов и дальше учиться не стал. Разносил почту, пока как-то раз в подъезде не изувечили подrostки, выбив зубы и свернув челюсть. Есть не мог, Ангелина кормила из буточки.

В деревне, куда они приехали, почтальонские места были давно и прочно заняты. На лесопилку его не брали, боясь, что изуродуется: отвечать за инвалида никому не хотелось. В общем, Андрейка сидел в компьютере, а правильное сказать, на шее у матери. Благо, «северная» пенсия у Ангелины заработана была большая.

Весной, когда умерла мать, надеяться парню осталось только на огород. Раскапывать участок у дома пришлось тяжело — в красную глину не входила лопата. Когда-то здесь,

ния. Смоченные дождями бумажки с расплывшимися буквами могут дать фору интернету. Прочитаешь — и все деревенские новости узнаешь: когда выплыват с птицефермы на продажу привезут, будет ли в амбулатории стоматолог для удаления зубов, где подработат можно. «Куплю рога лося» — ну, это явно не для Андрейки. «Принимаю иван-чай» — крупно напечатано на компьютере и адрес приёмщицы.

Про этот способ заработать хотя бы на хлеб говорила всё та же сердобольная тётка Ленка:

— Раньше то никто и не думал его собирать. И что за мода теперь пошла? Пользительная вдруг трава стала.

Андрейка искренне думал, что иван-чай цветёт один раз, а на следующий год погибает, поэтому так старается, высоко выбивается к небу. Ничего-то он не знал о деревенской жизни.

Едет Андрейка на велике сквозь туман. По лугам распелася малиновыми озёрами иван-чай. Едет и переживает: о чём-то надо будет разговаривать с приёмщицей Марушкой, напоминавшей злую бары-

ню из рассказов Тургенева. А он был будто Герасим — слова из него не вытаскишь.

— Не у дороги хоть рвал? Чего молчишь? Эх, сирота ты казаская! — то ли насмеялась, то ли всё-таки жалела пожилая приёмщица.

Потупив глаза, Андрейка вываливал из мешков листья иван-чая.

На вырученные деньги он первым делом покупал молоко Тишке — кошке, которую они с матерью привезли из Североморска. Недаром говорят, что эти хвостатые чем-то похожи на хозяев. Он смотрел в Тишкины глаза, когда-то зелёные, а теперь выцветшие, слезающиеся, и словно

видел мать. А точнее, это Ангелина наблюдала за сыном через кошку... Ещё Андрейка покупал себе в лавке хлеб, иногда — самую дешёвую колбасу. А за электричество платить было уже нечем. Каждый день он боялся, что придут электрики и отрежут провода.

Иван-чай пожирнее и погуще рос у деревни Петунино, где семь домов и ни одного постоянного жителя. Кто переехал в село, где жил Андрейка, кто ушёл на вечный покой.

В это раннее утро никак он не ожидал увидеть спешащего в Петунино Женю-автобусника. Черноватый, с крепкими ручищами, он был старше Андрейки от силы года на три. Жил на той же улице, в самом её начале, у автостанции, работал водителем. Недавно построил основательный дом, в четыре окна, в хозяйстве порядок всегда — казалось, состоявшийся мужик. Только вот пил запоями, а почему — неизвестно. Пьётся... Проглушивал работу и бабу. Жена, медсестра в амбулатории, симпатичная блондинка, вроде не изменяла, росли два белобрыхых пацанчика, маленькие копии Жени. Кредит взял на новую тачку... А что у мужика было на душе — никто не

ка задрожал, но, пригнувшись, тоже подкрался к раскрытому двору. На полу чернели клочки залпесневелого, слежавшегося сена, не скормленного скоту, у стены стояли грабли с редкими деревянными зубьями, плетёные корзины. Женя достал из кармана верёвку, подставил старый ящик.

Глаза Андрейки расширились. Он вспомнил старый советский фильм про войну, который смотрел ещё в детстве, где фашисты вешали для устрашения на виду у всей деревни партизан. После этого кино он долго не мог спать, мать ложилась рядом.

А Женя уже обматывал верёвкой старую матицу, пробовал образовавшуюся петлю на крепость...

И тогда Андрейка тоже шагнул в хлев. Доски громко заскрипели, и Женя обернулся:

— Ты... Чё тут делаешь?

— Я... иван-чай собираю, — голос Андрейки дрожал.

— Какой, на хрен, иван-чай? — зарорал сосед. — Иди отсюда, пока ноги не переломал!

— Не уйду! — парень сам не ожидал от себя такой смелости.

— Слушай, ты, дебил, вали, я сказал! — Женя продолжал стоять на ящике.

Андрейка не сдвинулся с места. От обидного слова «дебил» ему стало больно, будто его наотмашь ударили по лицу. Из глаз потекли слёзы, и он заплакал, как маленький, навзрыд, и далеко был слышен в это безмолвное утро плач взрослого по виду мужчины, так и оставшегося в душе ребёнком.

— Ты это... чего? — Женя наконец спрыгнул с ящика, подошёл к Андрейке. Парень трясся, как молоденькая осинка на ветру, и Женя не знал, как его успокоить. Вроде не баба, почти ровесник. Тогда он шагнул к Андрейке и крепко, по-отцовски, прижал к себе. Через минуту парень затих. Исчез и похмельный озноб у Жени, тяжесть отпустила.

— Ну, всё, всё, тише... Всё прошло, — Женя неловко гладил широкую ладонью по голове этого странного Андрейку. — Только никому не говори, что тут видел. Забудь. Хорошо?

Они пошли домой: Женя вёл велосипед Андрейки, тот волочил мешок иван-чая. Вместе обрывали по пути эту розовую чудо-траву и быстро наполнили мешок. Солнце приятно пригревало спины. Впереди был долгий летний день.